
Научная статья

УДК 343.1

Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения?

Россинский Сергей Борисович¹, Расулова Наталья Сергеевна²

¹ Российская академия наук, Москва, Россия, s.rossinskiy@gmail.com

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, rasulovanatalya@mail.ru

Аннотация. В статье излагается новый подход к критериям для доктринальной и практической дифференциации заключения эксперта и заключения специалиста как самостоятельных познавательных ресурсов, подлежащих использованию в доказывании по уголовному делу. Первый из таких критериев предлагается сводить к предназначению указанных средств доказывания: заключение эксперта считать основным, а заключение специалиста – лишь вспомогательным источником полезной информации. Второй критерий предлагается увязывать с предметом исследования: заключение эксперта считать «следовым» средством доказывания, содействующим правильному разрешению уголовно-правового спора, а заключение специалиста – «неследовым», способствующим разрешению текущих уголовно-процессуальных вопросов, обуславливающим возможность рационального использования дискреционных полномочий субъектами уголовной юрисдикции и диспозитивных правомочий невластными участниками уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: заключение специалиста, заключение эксперта, специалист, средство доказывания, судебная экспертиза

Для цитирования: Россинский С. Б., Расулова Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 15–20.

Original article

Expert Opinion and Professional Opinion as Evidence in the Criminal Procedure: What Are the Distribution Criteria?

Rossinskiy Sergey B.¹, Rasulova Natalya S.²

¹ Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, s.rossinskiy@gmail.com

² Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, rasulovanatalya@mail.ru

Abstract. The paper presents a new approach to the criteria for the differentiation between the expert opinion and professional opinion in doctrinal and practical terms as individual informative resources to be used in proving in a criminal case. It is suggested to confine the first criterion to the purpose of the above-mentioned evidence: to deem an expert opinion to be the main source and a professional opinion to be an additional source of useful information. It is suggested to associate the second criterion with the subject of study: to deem an expert opinion to be investigative evidence ensuring the correct resolution of criminal case, and deem a professional opinion to be non-investigative, ensuring resolution of the current criminal procedure matters enabling rational exercise of the discretionary powers by the criminal jurisdiction subjects and exercise of non-mandatory powers by the parties to a criminal proceeding without authority.

Keywords: professional opinion, expert opinion, professional, evidence, expert testimony in court

For citation: Rossinskiy S. B., Rasulova N. S. Expert Opinion and Professional Opinion as Evidence in the Criminal Procedure: What Are the Distribution Criteria? // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2. P. 15–20.

На общем фоне множества доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, традиционно присущих механизмам уголовно-процессуального доказывания, большое количество вопросов вызывают информационные ресурсы (так называемые средства доказывания), возникающие при помощи специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле, – в первую очередь, заключение эксперта (ч. 1 ст. 80 УПК РФ) и заключение специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Причем одним из самых сложных и постоянно обсуждаемых является вопрос о критериях для их разграничения, позволяющих найти собственную роль и предназначение каждого из них, исключив правовую неопределенность в этом сегменте уголовно-процессуального регулирования, оказывающую весьма деструктивное влияние на правоприменительную практику и приводящую к ошибкам в работе органов предварительного расследования и суда.

Причина указанных трудностей напрямую связана с обстоятельствами, сопутствующими включению в 2003 году в гл. 10 УПК РФ новых на тот момент положений, определяющих заключение специалиста как отдельное, автономное средство уголовно-процессуального доказывания. Так, с одной стороны, его введение в сферу уголовно-процессуального регулирования Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» было закономерно обусловлено стремлением усилить составительскую составляющую уголовного судопроизводства и наделить невластных участников (обвиняемого, защитника, потерпевшего и т. д.) правом пытаться оказывать определенное влияние на содержание приговоров либо иных решений, в том числе посредством оспаривания результатов официальных экспертиз, назначенных в порядке гл. 27 УПК РФ. Однако, с другой стороны, указанные новшества были подготовлены в «кулуарах» Федерального Собрания РФ весьма поспешно, без должной доктринальной проработки и обсуждения с ведущими российскими учеными, глубоко погруженными в проблематику использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Тем более что изначально соответствующий законопроект (№ 279596-З) вообще не подразумевал введение в сферу уголовно-процессуального регулирования никаких новых видов доказательств. Дополнения, предполагающие пополнение существующей системы средств доказывания заключением специалиста и показаниями специалиста, были внесены в текст законопроекта по инициативе П. В. Крашенинникова, Е. Б. Мизулиной и ряда других депутатов Государственной Думы РФ гораздо позднее – во время его рассмотрения во втором чтении. Причем никакого официального обоснования подобных правотворческих корректировок обнаружить не удалось. Известно лишь, что поспешное внесение указанных поправок в уже готовый законопроект не в последнюю очередь было связано с

активностью группы влиятельных адвокатов во главе с вице-президентом ФПА Г. М. Резником, не столько озабоченных построением в России подлинно эффективной и сбалансированной системы уголовной юстиции, сколько движимых своими корпоративными интересами и стремлением получить дополнительные правовые возможности осуществления защиты состоятельных доверителей.

Таким образом, по всей вероятности, авторы положений, регламентирующих заключение специалиста как автономное средство доказывания, понимали необходимость легализации каких-то «параллельных» технологий использования специальных знаний, намеревались ограничить судебно-следственную «монополию» на обращение за помощью к сведущим лицам, расширить диспозитивные возможности невластных участников в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования, однако при этом осознавали и существенные риски подобных послаблений – опасались «выпустить джина из бутылки» и создать почву для обесценивания «традиционных» экспертиз, злоупотреблений со стороны обвиняемых и защитников, привлечения ими не вполне профессиональных и ангажированных «своих экспертов».

В результате возникла компромиссная норма-дефиниция с весьма неясным, предрасположенным к вариативному толкованию смыслом. Законодатель определил заключение специалиста как «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами» (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), что сразу получило множество негативных оценок и обусловило целый ряд дискуссий [1, с. 172; 2, с. 167; 3, с. 249–250 и др.]. Самые жаркие дискуссии вполне ожидаемо разгорелись в части поиска приемлемых и жизнеспособных критериев для доктринального и практического разграничения заключения эксперта и заключения специалиста – на протяжении почти 20 лет, прошедших с момента легализации последнего, ученые не перестают полемизировать: является ли оно (заключение специалиста) наряду с экспертным заключением результатом некоего исследования или содержит заранее известный сведущему лицу тезис?

Так, многие авторы, отталкиваясь от буквального толкования ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ, не признают исследовательской основы заключения специалиста и расценивают его именно как утверждение, сформулированное на основе специальных знаний в области науки или техники, искусства или ремесла [3, с. 256, 4, с. 75–76; 5, с. 208 и др.]. Кстати, подобные позиции неоднократно высказывались Конституционным Судом РФ¹ и Пленумом Верховного Суда РФ². Другие ученые,

¹ См., например: определения Конституционного Суда России от 23 ноября 2017 г. № 2725-О; от 25 апреля 2019 г. № 1188-О; от 25 июня 2019 г. № 1782-О и др. // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. 21.12.2010); от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесе-

наоборот, считают, что в основе заключения специалиста лежат результаты некоего исследования, схожего с судебно-экспертным исследованием. При этом в качестве критериев для разграничения указанных средств доказывания предлагаются уровень сложности проводимого исследования или характер разрешаемых задач. Например, А. В. Кудрявцева пишет о целесообразности производства полноценной судебной экспертизы только для решения сложных, в первую очередь идентификационных задач, тогда как более простые, в частности диагностические, задачи она предлагает решать посредством получения заключения специалиста [6, с. 488]. Схожие идеи можно встретить и в других публикациях [7, с. 39–40; 8, с. 118, 9, с. 378 и др.].

Последние позиции видятся более разумными, что предопределяется следующими причинами. Во-первых, согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста предполагает некое суждение, под которым в формальной логике обычно понимается достаточно абстрактная категория – мысль, короткий тезис, выраженный во взаимосвязи субъекта с предикатом ($S \rightarrow P$). Причем такие суждения сами по себе вряд ли способны оказать какое-либо влияние на решение дознавателя, следователя, суда, заставить их пересмотреть свою позицию о надежности какого-либо имеющегося доказательства, например заключения эксперта, и о достаточности имеющейся совокупности доказательств для установления того или иного обстоятельства. К тому же употребляемый законодателем для наименования указанного доказательства термин «заключение» филологи обычно толкуют не как голословный тезис, а именно как выводной продукт, предопределенный результатами аналитических операций. И в этой связи многие авторы справедливо отмечают, что лишь результаты полноценного исследования способны обеспечить пригодность представленного заключения специалиста для использования по назначению [10, с. 260; 11, с. 17; 12, с. 32–37].

Во-вторых, само по себе исследование, в частности исследование доказательств – атрибут, свойственный не только правоотношениям, складывающимся в ходе производства судебной экспертизы; определённые исследовательские приемы и операции пронизывают все уголовно-процессуальное познание и, таким образом, присущи деятельности подавляющего большинства участников производства по уголовному делу [13, с. 114–116]. Готовящий заключение специалист, вне всяких сомнений, также проводит определенное исследование – в первую очередь представленных ему материалов уголовного дела: штудирует оригиналы или копии процессуальных или иных документов, изучает аудио-, видеозаписи, электронные носители информации, знакомится с научной и справочной литературой, со сведениями, со-

нии изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

держащимися в справочно-правовых системах, в сети «Интернет», и т. п. – в противном случае он просто лишен возможности оперирования всеми соответствующими данными, а значит, и подготовки аргументированного письменного суждения. Ведь ни один аргумент или довод специалиста не возникает сам по себе, из ниоткуда. Каждый из них предопределяется результатами надлежащего изучения (исследования) различных информационных ресурсов, что позволяет специалисту сначала сформировать собственное понимание решения поставленного перед ним вопроса, а потом постараться в доступной форме изложить его «на бумаге». Тем более, что возможность участия специалиста в исследовании материалов дела прямо предусмотрена ч. 1 ст. 58 УПК РФ.

Правда, в отличие от судебной экспертизы, проводимые специалистом исследования ввиду отсутствия четкой юридической процедуры подготовки его заключения ведутся в достаточно свободной форме, сильно не обремененной юридическими гарантиями надежности получаемых результатов. Но опровержение самого факта осуществления специалистом неких исследований равносильно отрицанию объективно существующих философских законов гносеологии и формальной логики.

Таким образом, невзирая на правовую неопределенность ч. 3 ст. 80 УПК РФ, заключение специалиста надлежит расценивать не иначе как результат исследования сведущим лицом материалов уголовного дела или иных объектов, направленного на формулирование письменного суждения по вопросам, подлежащим разрешению посредством использования специальных знаний.

Вместе с тем полностью признать правоту А. В. Кудрявцевой и ее единомышленников о дифференциации заключения эксперта и заключения специалиста в зависимости от степени трудоемкости разрешаемых вопросов все же достаточно трудно. С одной стороны, весьма сомнительной видится сама возможность разделения исследовательских задач на простые и сложные, на что уже неоднократно обращали внимание ученые, специализирующиеся в области судебной экспертологии [14, с. 84–88]. С другой стороны, сама идея законодательной легализации заключения специалиста как самостоятельного познавательного ресурса вовсе не предполагала дифференциацию процессуальной формы участия в уголовном деле сведущих лиц в зависимости от сложности разрешаемых вопросов. Вполне очевидно, что, выходя с указанной правотворческой инициативой, ее авторы вовсе не намеревались предлагать правоприменителю еще один как бы упрощенный алгоритм назначения судебной экспертизы, направленный на решение более примитивных экспертных задач. В противном случае гораздо разумнее было бы скорректировать гл. 27 УПК РФ, например, наделить дознавателя, следователя, суд полномочиями поручать сведущим лицам проведение ревизий, аудиторских проверок и других квазиэкспертиз, допускаемых на сегодняшний день

лишь в стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) – именно по такому пути пошли некоторые постсоветские государства. Можно было бы узаконить и право использовать результаты налоговых, таможенных и прочих непроцессуальных экспертиз, производимых по решениям органов исполнительной власти в ходе осуществления соответствующих видов исполнительно-распорядительной деятельности. Однако, как отмечалось выше, вместо этого был сделан весьма осторожный и не вполне уверенный шаг: в предусмотренную гл. 10 УПК РФ систему доказательств было введено заключение специалиста, определенное как непонятно откуда возникающее суждение сведущего лица.

На основании изложенного представляется, что в современных условиях развития процессуальной доктрины и правоприменительной практики существует объективная потребность в определении каких-то иных, так сказать, новых критериев для разграничения заключения эксперта и заключения специалиста как самостоятельных познавательных ресурсов, подлежащих использованию в доказывании обстоятельств уголовного дела.

Один из данных критериев надлежит сводить к различному предназначению указанных средств доказывания, то есть к разным ролям, выполняемым заключением эксперта и заключением специалиста в практике предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Вне всяких сомнений, заключению эксперта принадлежит роль одного из основных и необходимых средств доказывания, поскольку невозможность его получения или предопределённое правовой гипотезой ст. 75 УПК РФ исключение из уголовного дела ввиду юридической непригодности для использования по назначению (недопустимости) не позволяет дознавателю, следователю или суду устанавливать определенные факты, то есть обуславливает возникновение ряда белых пятен в предмете доказывания по соответствующему уголовному делу. Тем более, что в отличие от большинства других доказательств (показаний, протоколов следственных действий и судебного заседания и т. д.) заключение эксперта по своему характеру является безальтернативным источником полезных сведений – эти сведения не могут быть установлены никакими иными способами и отражены ни в каком ином документе. А в ряде установленных ст. 196 УПК РФ случаев назначение судебной экспертизы из дискреционного дозволения вообще превращается в прямое предписание, не зависящее от усмотрения соответствующего субъекта уголовной юрисдикции.

Тогда как заключение специалиста, напротив, выполняет вспомогательную роль. Исходя из смысла закона и сложившейся за последние годы правоприменительной практики, это средство доказывания становится востребованным лишь в специфических ситуациях, предполагающих трудности в собственном надлежащем понимании субъектами доказыва-

ния некоторых сведений из области науки, техники, искусства или ремесла, попавших в зону внимания органов предварительного расследования или суда по конкретному уголовному делу.

Второй критерий для дифференциации заключения эксперта и заключения специалиста, по всей вероятности, надлежит сводить к предмету соответствующего исследования.

Как известно, предмет судебной экспертизы – ранее неизвестные дознавателю, следователю, суду факты, которые прямо или косвенно подтверждают (опровергают) подлежащие установлению по уголовному делу обстоятельства [15, с. 255–261; 16, с. 21; 17, с. 21]. В этой связи объектами экспертного исследования являются различные «следы преступления» (следы в широком смысле), то есть фрагменты окружающей реальности, отражающие сведения об указанных фактах, в том числе живые лица, трупы и их части, вещественные доказательства, предметы, документы (ст. 10 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Другими словами, заключение эксперта представляет собой как бы «следовое» средство уголовно-процессуального доказывания, способствующее познанию ранее неизвестных субъекту уголовной юрисдикции фактов, владение которыми предопределяет возможность вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора либо иного правоприменительного акта, сопряженного с уголовно-правовой оценкой (с квалификацией) соответствующего деяния. И, таким образом, этот познавательный ресурс так или иначе содействует надлежащему разрешению уголовно-правового спора между стороной обвинения и стороной защиты как основного вопроса уголовно-процессуальной деятельности, определяющего ее смысл и назначение.

Предмет исследования, осуществляемого в ходе подготовки заключения специалиста, тоже сводится к неким фактическим данным, но имеющим свершено другое предназначение и вытекающим из совершенно других источников информации (объектов исследования). В отличие от работы судебного эксперта, подобная исследовательская деятельность специалиста не связана с изучением «следов преступления» (следов в широком смысле) хотя бы поэтому, ввиду отсутствия у невластных участников уголовного процесса необходимых полномочий, он (специалист) лишен полноценного доступа к подобным «следам» и вынужден ограничиваться изучением материалов уголовного дела (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), чаще всего копий соответствующих документов, а также дополнительных материалов, представленных сторонами либо полученных из общедоступных источников. И, таким образом, заключение специалиста – «неследовое» средство доказывания, способствующее проверке и оценке фактической или юридической доброкачественности других познавательных ресурсов, в первую очередь экспертного заключения. Предлагаемое

специалистом суждение само по себе не подразумевает никаких ранее неизвестных фактов, содействующих подтверждению (опровержению) обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Однако при этом оно способствует надлежащему пониманию дознавателем, следователем, судом, ранее установленных фактов, в частности: а) фактов, вытекающих из имеющихся в распоряжении дознавателя, следователя, суда заключений и показаний эксперта; б) реальных или мнимых причин, мешающих или затрудняющих установить подобные факты; в) реальных или мнимых причин, детерминирующих отсутствие потребности в назначении судебной экспертизы; г) других известных, но не до конца понятных фактов, связанных с использованием знаний в науке, технике, искусстве или ремесле.

Следовательно, основная роль заключения специалиста в уголовном процессе – это оказание содействия дознавателю, следователю, суду, а также невластным участникам со стороны обвинения и стороны защиты в надлежащем понимании известных фактов, необходимом для проверки и оценки полноты, юридической и научно-методической доброкачественности промежуточных либо окончательных результатов досудебного или судебного производства. Иными словами, предмет исследования, осуществляемого в ходе подготовки заключения специалиста, сводится к фактическим данным, непосредственно не влияющим на разрешение «ключевого» вопроса о применении уголовного закона, но при этом способствующим правильному разрешению текущих уголовно-процессуальных вопросов, ответы на которые определяют возможность наиболее рационального использования органами предварительного расследования, прокурором и судом своих дискреционных полномочий, а обвиняемым, защитником, потерпевшим и другими невластными субъектами – своих правомочий. И в этой связи заключение специалиста нельзя расценивать как результат «альтернативного», «независимого» или какого-то еще квазиэкспертного исследования, решающего схожие с судебной экспертизой задачи, но производимого в более свободном режиме.

Список источников

1. Быков В. М. Заключение специалиста // Законность. 2004. № 9. С. 21–24.
2. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2010. 437 с.
3. Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с.
4. Зайцева Е. А. К вопросу о заключении специалиста // Уголовное право. 2006. № 4. С. 75–78.

5. Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в российском процессе: монография. Москва: Юрлитинформ, 2016. 382 с.

6. Кудрявцева А. В. Уровни решения задач как основания разграничения компетенции эксперта и специалиста // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. Ч. 1. С. 485–489.

7. Темираев О. П. Компетенция специалиста // Законность. 2005. № 6. С. 39–40.

8. Семенов Е. А. Заключение специалиста в системе видов доказательств в уголовном процессе // Наука и практика. 2014. № 1 (58). С. 116–119.

9. Зажицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2015. 439 с.

10. Аверьянова Т. В., Корухов Ю. Г. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 4. С. 260–262.

11. Шапиро Л. Г. Ситуационный подход к использованию специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Эксперт-криминалист. 2013. № 3. С. 15–18.

12. Зинин А. М. Заключение специалиста: сущность, содержание и форма // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 32–37.

13. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. Москва: Норма, 2021. 408 с.

14. Галяшина Е. И., Зинин А. М., Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд. Москва: Норма, 2016. 367 с.

15. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. Москва: Юридическая литература, 1964. 266 с.

16. Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, Челябинск, 2001. 497 с.

17. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва: РФЦСЭ, 2005. 261 с.

References

1. Bykov V. M. Conclusion of a specialist // Legitimacy. 2004. No. 9. S. 21–24.
2. Zaitseva E. A. The concept of development of the institute of forensic examination in the conditions of adversarial criminal proceedings: monograph. Moscow: YurLitinform, 2010. 437 p.
3. Lazareva L. V. Conceptual foundations for the use of special knowledge in Russian criminal justice: dis. ... Dr. jurid. Sciences. Vladimir, 2011. 470 p.
4. Zaitseva E. A. To the question of the conclusion of a specialist // Criminal law. 2006. No. 4. S. 75–78.

5. Balakshin V. S. Evaluation of the admissibility of evidence in the Russian process: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2016. 382 p.

6. Kudryavtseva A. V. Levels of problem solving as the basis for delimiting the competence of an expert and a specialist // Fifty years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (SUI): Materials of the International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2005. Part 1. S. 485–489.

7. Temiraev O.P. Competence of a specialist // Legality. 2005. No. 6. S. 39–40.

8. Semenov E. A. The conclusion of a specialist in the system of types of evidence in criminal proceedings // Science and Practice. 2014. No. 1 (58). pp. 116–119.

9. Zazhitsky V. I. Evidence and proof under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. St. Petersburg: Legal Center-Press, 2015. 439 p.

10. Averyanova T. V., Korukhov Yu. G. The conclusion of a specialist as a new type of evidence in criminal proceedings // "Black holes" in Russian legislation. 2004. No. 4. S. 260–262.

11. Shapiro L. G. Situational approach to the use of special knowledge in the investigation of crimes in the sphere of economic activity // Forensic expert. 2013. No. 3. P. 15–18.

12. Zinin A. M. Conclusion of a specialist: essence, content and form // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MGYuA). 2016. No. 8 (24). pp. 32–37.

13. Rossinsky S. B. Pre-trial proceedings in a criminal case: essence and methods of collecting evidence: monograph. Moscow: Norma, 2021. 408 p.

14. Galyashina E. I., Zinin A. M., Rossinskaya E. R. Theory of forensic examination (forensic expertology): textbook / ed. E. R. Rossinskaya. 2nd ed. Moscow: Norma, 2016. 367 p.

15. Petrukhin I. L. Expertise as a means of proof in the Soviet criminal process. Moscow: Legal Literature, 1964. 266 p.

16. Kudryavtseva A. V. Judicial examination as an institution of criminal procedure law: dis. ... doctor of legal sciences. St. Petersburg, Chelyabinsk, 2001. 497 p.

17. Orlov Yu. K. Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings. Moscow: RFTSSE, 2005. 261 p.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 20.06.2022.

Информация об авторе

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент

Information about the author

Rossinskiy S. B. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 20.06.2022.